

А. П. Чехов

Дуэль, рассказы и повести

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ч-56

Ч-56 **Чехов А.П.**
Дуэль, рассказы и повести / А. П. Чехов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
602 с.

ISBN 978-5-517-99029-7

ISBN 978-5-517-99029-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тилась назадъ по мелкимъ камнямъ. Пріатели вышли на берегъ и стали одѣваться.

— Конечно, мудроно жить съ женщиной, если не любишь, — сказалъ Самойленко, вытрясая изъ сапога песокъ. — Но надо, Ваня, разсуждать по человѣчности. Доведись до меня, то я бы и виду ей не показалъ, что разлюбилъ, а жилъ бы съ ней до самой смерти.

Ему вдругъ стало стыдно своихъ словъ; онъ спохватился и сказалъ:

— А по мнѣ хоть бы и вовсе бабъ не было. Ну ихъ къ лѣшему!

Пріатели одѣлись и пошли въ павильонъ. Тутъ Самойленко былъ своимъ человѣкомъ, и для него имѣлась даже особая посуда. Каждое утро ему подавали на подносѣ чашку кофе, высокій граненый стаканъ съ водою и со льдомъ и рюмку коньяку; онъ сначала выпивалъ коньякъ, потомъ горячій кофе, потомъ воду со льдомъ, и это, должно быть, было очень вкусно, потому что послѣ питья глаза у него становились масляными, онъ обѣими руками разглаживалъ бакены и говорилъ, глядя на море:

— Удивительно великолѣпный видъ!

Послѣ долгой ночи, потраченной на невеселыя, бесполезныя мысли, которыя мѣшали спать и, казалось, усиливали духоту и мракъ ночи, Лаевскій чувствовалъ себя разбитымъ и вялымъ. Отъ купанья и кофе ему не стало лучше.

— Будемъ, Александръ Давидычъ, продолжать нашъ разговоръ, — сказалъ онъ. — Я не буду скрывать и скажу тебѣ откровенно, какъ другу: дѣла мои съ Надеждой Федоровной пло-

хи... очень плохи! Извини, что я посвящаю тебя въ свои тайны, но мнѣ необходимо высказаться.

Самойленко, предчувствовавшій, о чемъ будетъ рѣчь, потузилъ глаза и застучалъ пальцами по столу.

— Я прожилъ съ нею два года и разлюбилъ... — продолжалъ Лаевскій: — то-есть, вѣрнѣе, я понялъ, что никакой любви не было... Эти два года были — обманъ.

У Лаевского была привычка во время разговора внимательно осматривать свои розовыя ладони, грызть ногти, или мять пальцами манжеты. И теперь онъ дѣлалъ то же самое.

— Я отчетливо знаю, ты не можешь мнѣ помочь, — сказалъ онъ: — но говорю тебѣ, потому что для нашего брата-неудачника и лишняго человѣка все спасеніе въ разговорахъ. Я долженъ обобщать каждый свой поступокъ, я долженъ находить объясненіе и оправданіе своей нелѣпой жизни въ чьихъ-нибудь теоріяхъ, въ литературныхъ типахъ, въ томъ, напримѣръ, что мы, дворяне, вырождаемся и прочее... Въ прошлую ночь, напримѣръ, я утѣшалъ себя тѣмъ, что все время думалъ: ахъ, какъ правъ Толстой, безжалостно правъ! И мнѣ было легче отъ этого. Въ самомъ дѣлѣ, братъ, великій писатель! Что ни говори.

Самойленко, никогда не читавшій Толстого и каждый день собиравшійся прочесть его, сконфузился и сказалъ:

— Да, всѣ писатели пишутъ изъ воображенія, а онъ прямо съ природы...

— Боже мой, — вздохнулъ Лаевскій: — до

какой степени мы искалѣчены цивилизаціей! Полюбилъ я замужнюю женщину; она меня тоже... Въ началѣ у насъ были и поцѣлуи, и тихіе вечера, и клятвы, и Спенсеръ, и идеалы, и общіе интересы... Какая ложь! Мы бѣжали въ сущности отъ мужа, но лгали себѣ, что бѣжимъ отъ пустоты нашей интеллигентной жизни. Будущее наше рисовалось намъ такъ: въ началѣ на Кавказѣ, пока мы ознакомимся съ мѣстомъ и людьми, я надѣну вицмундиръ и буду служить, потомъ же на просторѣ возьмемъ себѣ клочъ земли, будемъ трудиться въ потѣ лица, заведемъ виноградникъ, поле и прочее. Если бы вмѣсто меня былъ ты, или этотъ твой зоологъ фонъ-Корень, то вы, быть можетъ, прожили бы съ Надеждой Федоровной тридцать лѣтъ и оставили бы своимъ наслѣдникамъ богатый виноградникъ и тысячу десятинъ кукурузы, я же почувствовалъ себя банкротомъ съ перваго дня. Въ городѣ невыносимая жара, скука, безлюдье, а выйдешь въ поле, тамъ подъ каждымъ кустомъ и камнемъ чудятся фаланги, скорпионы и змѣи, а за полемъ горы и пустыня. Чуждые люди, чуждая природа, жалкая культура — все это, братъ, не такъ легко, какъ гулять по Невскому въ шубѣ, подъ ручку съ Надеждой Федоровной, и мечтать о теплыхъ краяхъ. Тутъ нужна борьба не на жизнь, а на смерть, а какой я боецъ? Жалкій неврастеникъ, бѣлоручка... Съ перваго же дня я понялъ, что мысли мои о трудовой жизни и виноградникѣ — ни къ чорту. Что же касается любви, то я долженъ тебѣ сказать, что жить съ женщиной, которая читала Спенсера и пошла для тебя на край свѣта, такъ

же неинтересно, какъ съ любой Анфисой, или Акулиной. Такъ же пахнетъ утюгомъ, пудрой и лѣкарствами, тѣ же папилютки каждое утро и тотъ же самообманъ...

— Безъ утюга нельзя въ хозяйствѣ, — сказалъ Самойленко, — краснѣя отъ того, что Лавевскій говоритъ съ нимъ такъ откровенно о знакомой дамѣ. — Ты, Ваня, сегодня не въ духѣ, я замѣчаю. Надежда Федоровна женщина прекрасная, образованная, ты — величайшаго ума человѣкъ... Конечно, вы не вѣнчаны, — продолжалъ Самойленко, оглядываясь на сосѣдніе столы: — но вѣдь это не ваша вина и къ тому же... надо быть безъ предразсудковъ и стоять на уровнѣ современныхъ идей. Я самъ стою за гражданскій бракъ, да... Но, по-моему, если разъ сошлись, то надо жить до самой смерти.

— Безъ любви?

— Я тебѣ сейчасъ объясню, — сказалъ Самойленко. — Лѣтъ восемь назадъ у насъ тутъ былъ агентомъ старичокъ, величайшаго ума человѣкъ. Такъ вотъ онъ говаривалъ: въ семейной жизни главное — терпѣніе. Слышишь, Ваня? Не любовь, а терпѣніе. Любовь продолжаться долго не можетъ. Года два ты прожилъ въ любви, а теперь, очевидно, твоя семейная жизнь вступила въ тотъ періодъ, когда ты, чтобы сохранить равновѣсіе, такъ сказать, долженъ пустить въ ходъ все свое терпѣніе...

— Ты вѣришь своему старичку-агенту, для меня же его совѣтъ — бессмыслица. Твой старичокъ могъ лицемѣрить, онъ могъ упражняться въ терпѣніи и при этомъ смотрѣть на нелюбимаго человѣка, какъ на предметъ, необходи-

мый для его упражненій, но я еще не палъ такъ низко; если мнѣ захочется упражняться въ терпѣннiи, то я куплю себѣ гимнастическія гири или норовистую лошадь, но человѣка оставлю въ покоѣ.

Самойленко потребовалъ бѣлаго вина со льдомъ. Когда выпили по стакану, Лаевскій вдругъ спросилъ:

— Скажи, пожалуйста, что значитъ размяченіе мозга?

— Это, какъ бы тебѣ объяснить... такая болѣзнь, когда мозги становятся мягче... какъ бы разжижаются.

— Излѣчимо?

— Да, если болѣзнь не запущена. Холодные души, мушка... Ну, внутрь чего-нибудь.

— Такъ... Такъ вотъ видишь ли, какое мое положеніе. Жить съ нею я не могу: это выше силъ моихъ. Пока я съ тобой, я вотъ и философствую, и улыбаюсь, но дома я совершенно падаю духомъ. Мнѣ до такой степени жутко, что если бы мнѣ сказали, положимъ, что я обязанъ прожить съ нею еще хоть одинъ мѣсяць, то я, кажется, пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ. И въ то же время разойтись съ ней нельзя. Она одинока, работать не умѣетъ, денегъ нѣтъ ни у меня, ни у нея... Куда она дѣнется? Къ кому пойдетъ? Ничего не придумаешь... Ну, вотъ, скажи: что дѣлать?

— М-да... — промычалъ Самойленко, не зная, что отвѣтить. — Она тебя любитъ?

— Да, любитъ настолько, насколько ей въ ея годы и при ея темпераментѣ нуженъ муж-

чина. Со мной ей было бы такъ же трудно разстаться, какъ съ пудрой, или папильотками. Я для нея необходимая составная часть ея будуара.

Самойленко сконфузился.

— Ты сегодня, Ваня, не въ духѣ, — сказалъ онъ. — Не спать, должно быть.

— Да, плохо спать... Вообще, братъ, скверно себя чувствую. Въ головѣ пусто, замиранія сердца, слабость какая-то... Бѣжать надо!

— Куда?

— Туда, на сѣверъ. Къ соснамъ, къ грибамъ, къ людямъ, къ идеямъ... Я бы отдалъ полжизни, чтобы теперь гдѣ-нибудь въ Московской губерніи, или въ Тульской, выкупаться въ рѣчкѣ, озябнуть, знаешь, потомъ бродить часа три хоть съ самымъ плохенькимъ студентомъ и болтать, болтать... А сѣномъ-то какъ пахнетъ! Помнишь? А по вечерамъ, когда гуляешь въ саду, изъ дому доносятся звуки рояля, слышно, какъ идетъ поѣздъ...

Лаевскій засмѣялся отъ удовольствія, на глазахъ у него выступили слезы и, чтобы скрыть ихъ, онъ, не вставая съ мѣста, потянулся къ сосѣднему столу за спичками.

— А я уже восемнадцать лѣтъ не былъ въ Россіи, — сказалъ Самойленко. — Забылъ ужъ, какъ тамъ. По-моему, великолѣпнѣе Кавказа и края нѣтъ.

— У Верещагина есть картина: на днѣ глубочайшаго колодца томятся приговоренные къ смерти. Такимъ вотъ точно колодцемъ представляется мнѣ твой великолѣпный Кавказъ. Если бы мнѣ предложили что-нибудь изъ двухъ: быть

трубочистомъ въ Петербургѣ, или быть здѣшнимъ княземъ, то я взялъ бы мѣсто трубочиста.

Лаевскій задумался. Глядя на его согнутое тѣло, на глаза, устремленные въ одну точку, на блѣдное, вспотѣвшее лицо и впалые виски, на изгрызенные ногти и на туфлю, которая свѣсилась у пятки и обнаружила дурно заштопанный чулокъ, Самойленко проникся жалостью и, вѣроятно, потому, что Лаевскій напомнилъ ему безпомощнаго ребенка, спросилъ:

— Твоя мать жива?

— Да, но мы съ ней разошлись. Она не могла мнѣ простить этой связи.

Самойленко любилъ своего пріятеля. Онъ видѣлъ въ Лаевскомъ добраго малаго, студента, человекъ-рубаху, съ которымъ можно было и вышить, и посмѣяться, и потолковать по душѣ. То, что онъ понималъ въ немъ, ему крайне не нравилось. Лаевскій пилъ много и не въ-время, игралъ въ карты, презиралъ свою службу, жилъ не по средствамъ, часто употреблялъ въ разговорѣ непристойныя выраженія, ходилъ по улицѣ въ туфляхъ и при постороннихъ ссорился съ Надеждой Федоровной — и это не нравилось Самойленку. А то, что Лаевскій былъ когда-то на филологическомъ факультетѣ, выписывалъ теперь два толстыхъ журнала, говорилъ часто такъ умно, что только немногіе его понимали, жилъ съ интеллигентной женщиной — всего этого не понималъ Самойленко, и это ему нравилось, и онъ считалъ Лаевскаго выше себя и уважалъ его.

— Еще одна подробность, — сказалъ Лаевскій, встряхивая головой. — Только это между

нами. Я пока скрываю отъ Надежды Федоровны, не проболтайся при ней... Третьяго дня я получилъ письмо, что ея мужъ умеръ отъ размягченія мозга.

— Царство небесное... — вздохнулъ Самойленко. — Почему же ты отъ нея скрываешь?

— Показать ей это письмо значило бы: пожалуйте въ церковь вѣнчаться. А надо сначала выяснитъ наши отношенія. Когда она убѣдится, что продолжать жить вмѣстѣ мы не можемъ, я покажу ей письмо. Тогда это будетъ безопасно.

— Знаешь что, Ваня? — сказалъ Самойленко, и лицо его вдругъ приняло грустное и умоляющее выраженіе, какъ будто онъ собирался просить о чемъ-то очень сладкомъ и боялся, что ему откажутъ: — Женись, голубчикъ!

— Зачѣмъ?

— Исполни свой долгъ передъ этой прекрасной женщиной! Мужъ у нея умеръ, и такимъ образомъ само Провидѣніе указываетъ тебѣ, что дѣлать!

— Но пойми, чудакъ, что это невозможно. Жениться безъ любви такъ же подло и недостойно человѣка, какъ служить обѣдню, не вѣруя.

— Но ты обязанъ!

— Почему же я обязанъ? — спросилъ съ раздраженіемъ Лаевскій.

— Потому что ты увезъ ее отъ мужа и взялъ на свою отвѣтственность.

— Но тебѣ говорятъ русскимъ языкомъ: я не люблю!

— Ну, любви нѣтъ, такъ почитай, ублажай...

— Почитай, ублажай... — передразнилъ Лаевскій. — Точно она игуменья... Плохой ты психологъ и фізіологъ, если думаешь, что, живя съ женщиной, можно выѣхать на одномъ только почтеніи да уваженіи. Женщинѣ прежде всего нужна спальня.

— Ваня, Ваня... — сконфузился Самойленко.

— Ты — старій ребенокъ, теоретикъ, а я — молодой старикъ и практикъ, и мы никогда не поймемъ другъ друга. Прекратимъ лучше этотъ разговоръ. Мустафа! — крикнулъ Лаевскій человѣку: — сколько съ насъ слѣдуетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... — испугался докторъ, хватая Лаевского за руку. — Это я заплачу. Я требовалъ. Запиши за мной! — крикнулъ онъ Мустафѣ.

Пріятели встали и молча пошли по набережной. У входа на бульваръ они остановились и на прощанье пожали другъ другу руки.

— Избалованы вы очень, господа! — вздохнулъ Самойленко. — Послала тебѣ судьба женщину молодую, красивую, образованную — и ты отказываешься, а мнѣ бы далъ Богъ хоть кривобокую старушку, только ласковую и добрую, и какъ бы я былъ доволенъ! Жилъ бы я съ ней на своемъ виноградникѣ и...

Самойленко спохватился и сказалъ:

— Пускай бы она тамъ, старая вѣдьма, самоваръ ставила.

Простившись съ Лаевскимъ, онъ пошелъ по бульвару. Когда онъ, грузный, величественный,

со строгимъ выраженіемъ на лицѣ, въ своемъ бѣлоснѣжномъ кителѣ и превосходно вычищенныхъ сапогахъ, выпятивъ впередъ грудь, на которой красовался Владиміръ съ бантомъ, шелъ по бульвару, то въ это время онъ очень нравился себѣ самому, и ему казалось, что весь міръ смотритъ на него съ удовольствіемъ. Не поворачивая головы, онъ посматривалъ по сторонамъ и находилъ, что бульваръ вполне благоустроенъ, что молодые кипарисы, эвкалипты и некрасивыя, худосочныя пальмы очень красивы и будутъ со временемъ давать широкую тѣнь, что черкесы честный и гостепріимный народъ. «Странно, что Кавказъ Лаевскому не нравится, — думалъ онъ: — очень странно». Встрѣтились пять солдатъ съ ружьями и отдали ему честь. По правую сторону бульвара по тротуару прошла жена одного чиновника съ сыномъ-гимназистомъ.

— Марья Константиновна, доброе утро! — крикнулъ ей Самойленко, пріятно улыбаясь. — Купаться ходили? Ха-ха-ха... Почтеніе Никодиму Александрычу!

И онъ пошелъ дальше, продолжая пріятно улыбаться, но, увидѣвъ идущаго навстрѣчу военнаго фельдшера, вдругъ нахмурился, остановилъ его и спросилъ:

— Есть кто-нибудь въ лазаретъ?

— Никого, ваше превосходительство.

— А?

— Никого, ваше превосходительство.

— Хорошо, ступай...

Величественно покачиваясь, онъ направился къ лимонадной будкѣ, гдѣ за прилавкомъ си-